

литературного комплекса (летопись, оригинальная и переводная воинская повесть, народный эпос и т. п.). Попытки исследователей выйти за пределы этих материалов (хотя бы в частных вопросах) и привлечь к сравнительному изучению памятники не только византийской, но и скандинавской и восточной средневековой поэзии (например, работы В. Ф. Ржиги), дали интересные результаты. Не менее интересной была попытка дать обобщенную характеристику стиля «Слова» на основе определения его жанровой принадлежности (ораторская проза — И. П. Еремин). Дальнейшее изучение стиля «Слова», как целостной поэтической системы, должно продвигаться в направлении широкого конкретно-исторического и типологического сопоставления его не только со славянскими поэтическими системами литературы и фольклора, но и с поэтическими системами (или их следами) военно-феодальной среды тех неславянских народов, с которыми Киевская Русь, и в частности герои самого «Слова» были в постоянном общении. Речь идет не столько о еще большем расширении круга материалов для накопления новых отдельных параллелей, сколько о возможном установлении исторически обусловленного сходства стилей, существовавших в данных областях словесного искусства у этих народов. Диапазон поэтической культуры гениального автора «Слова» и национальное своеобразие его творчества могут быть глубже исследованы прежде всего на основе таких историко-сравнительных разысканий и обобщений.

2. Исследование поэтической структуры «Слова» невозможно без решения частного, но важного вопроса о его ритмике. Изучение этой проблемы развивалось большей частью в неверном направлении. Многократные попытки членения текста «Слова» на всевозможные стихи были научно необоснованными, как показал М. П. Штокмар. Тем не менее такие попытки продолжают: вспомним недавние опыты А. И. Никифорова, произвольно превращавшего «Слова» в былинку (причем на былинные стихи разлагались как исправные, так и заведомо испорченные — «темные» места текста), или опыты Л. А. Творогова, извлекавшего из произведения небольшие отрывки текста, написанные, по его мнению, классическими размерами (ямбом, амфибрахийем и т. п.). С другой стороны, несколько раз высказывалось интересное мнение о прозаической, а не стихотворной природе ритмики «Слова» (Н. К. Гудзий, М. П. Штокмар, Д. С. Лихачев). Это мнение привело уже к практическим попыткам членения текста на ритмические отрезки, однако теоретически данная проблема все еще ждет своего исследования.

Изучение прозаического ритма «Слова» может быть успешным только тогда, когда оно будет производиться на широком фоне анализа близких ему ритмических явлений в других произведениях древнерусской литературы (фрагменты летописи, некоторые воинские повести, произведения ораторского искусства и др.). Определить структуру ритма древнерусской прозы означает, по существу, раскрыть систему всех видов повторений в ней. Система эта не может быть найдена в строго схематическом выражении, какое представляет собой метрика в стихосложении, потому что в основе этой системы лежат не фонетические, а синтаксические явления. Они сказываются в относительной простоте конструкций, некоторой тенденции к однотипности расположения в них членов предложения, тяготении к семантически обусловленному накопительному и симметричному размещению более или менее единообразных периодов. Возникающий на этой синтаксической основе естественный ритм прозы развивался автором «Слова», во-первых, при помощи усиления заложеной в нем тенденции к однотипности и повторяемости семантически определенных отрезков речи, а во-вторых, применением ряда разнообразных по своей природе вспомогательных средств изобразительности. В качестве таких средств, поддерживающих и укрепляющих ритм прозы, выступали подчеркнутые параллельные конструкции предложений, прямые повторы предложений или их частей, группы синонимов и тавтологий, анафоры, подхваты, рефрены, аллитерации, морфологические рифмы, дактилические окончания и т. п. Изучение ритмики «Слова» нередко и ограничивалось констатацией этих поддерживающих средств ритмообразования. Синтаксическая же основа его ритма оставалась неисследованной. Возможно, что к изучению синтаксической основы ритмики «Слова», как и некоторых других памятников древнерусской литературы, могла бы быть привлечена теория синтагм (как простейших смысловых синтаксических единиц), выдвинутая Л. В. Щербой и по-разному разрабатывавшаяся В. В. Виноградовым, Б. В. Томашевским и др. Конечно, приложение синтагматического принципа к изучению ритма древнерусской прозы затруднено отсутствием ясных показателей для определения «паузальности» речи. Но все же этот принцип может найти в данном случае более веские критерии, чем принцип стихотворный. Синтагматический принцип может быть поддержан анализом семантики текста и учетом стилистических функций отмеченных выше вспомогательных средств ритмообразования. Уточнение жанровой природы «Слова» позволило бы, вероятно, яснее установить интонационно-эмоциональный характер повествования в произведении, что также в известной мере содействовало бы синтагматическому анализу его ритма. Проблема ритмики «Слова» должна решаться совместными усилиями историков литературы и историков языка.

Л. А. Дмитриев
(Ленинград)

Как известно, до настоящего времени некоторые исследователи считают «Слово о полку Игореве» поздней подделкой. В частности, проф. А. Мазон, оспаривающий подлинность «Слова», высказал предположение, что «Слово» было написано в конце